

**«Художественное
творчество в свете
веры и учения
Хосемарии
Эскрива»,
Александр И. Зорин**

Доклад, прочитанный на
конференции, проходившей
в Риме с 8 по 11 января 2002
по случаю столетия со дня
рождения бл. Эскрива.

25.03.2006

Я родился в начале второй мировой войны, в Москве, в семье служащих: отец художник, мать учительница музыки и географии. Стихи начал писать в дошкольном возрасте, примерно тогда же, когда научился читать. Первыми моими текстами были газеты, постеленные на столах в детском саду вместо скатертей и уличные вывески. О смысле жизни, о призвании, о человеке и природе вокруг стал задумываться лет в пятнадцать, когда запоем читал русскую классику. А Евангелие открыл лишь в 27 лет, за восемь лет до крещения. Красоту и величие мироздания впервые почувствовал, увлекшись астрономией. Тогда же написал книгу о Циолковском, натурфилософские труды которого закрепили в сознании важное открытие: Вселенная - единый живой организм. Будучи профессиональным литератором

(окончил Литературный институт, в 1979 году принят в Союз писателей), я мало публиковался в периодической печати, первые книги вышли в 80 году, но главные – после перестройки. В советское время на жизнь зарабатывал в основном - ручным трудом: в геологических партиях, в рыболовецких совхозах, на безотказных шабашках, а также стихотворными переводами.

В начале 70-х годов я познакомился с трудами отца Александра Меня, у которого вскоре крестился. Считаю, что как поэт я раскрылся под влиянием этого человека, в его приходе, где нас было довольно много, но чувство духовной близости объединяло многих в одну семью.

Известно, как относилась советская власть к Церкви: мало-мальски заметное явление

истребляла на корню. А здесь проглядела – тридцать лет отец Александр сеял Слово Божие с амвона в храме, а в последние три года в многочисленных светских аудиториях. Его призыв к Богу был столь убедителен и горяч, что теплохладные недоброжелатели, враги Христовы, его в конце концов убили.

Отец Александр – универсальная личность, такие рождаются раз в столетие, как сказал он о Владимире Соловьёве, которому посвятил многотомный труд – историю дохристианских религий. Историк, богослов, религиозный писатель, яркий проповедник, пастырь тысячей заблудших советских интеллигентов, отец Александр свидетельствовал о Господе ещё одним даром – любовью. А любовь, как известно, не умирает, в чём убедились его духовные

дети, обращаясь к нему, умершему, - в молитвах и получая помощь от него уже ОТТУДА. Его книги (тираж около шести миллионов только на русском языке) и сегодня приводят к Богу наших соотечественников. Со многими из них я переписываюсь и хорошо представляю себе, как целительна проповедь отца Александра Меня для современной России. Это проповедь православного священника, открытого к миру, к культуре, к другим церквям.

Весной восьмидесятого года он, в домашней беседе со своими прихожанами, упомянул никому неизвестное имя Хосемарии Эскрива. Мы иногда записывали его беседы на магнитофон. По счастью, записали и эту. Вот его слова: «Сейчас, на протяжении уже нескольких десятилетий, существует на Западе такое

движение *Opus Dei*, Дело Божье. Основал его португалец Хосемария Эскрива. Движение это распространяется повсюду, широко. Он написал маленькую книжку *Путь*. Это сборник афоризмов. Я надеюсь, мы когда-нибудь переведем её, и вы сможете их читать. Эскрива говорит, что быть христианином не значит жить, как обыватель, как мещанин, как язычник и лишь в воскресенье на пару часов где-то возноситься духом. Быть христианином, значит быть им всегда, повседневно, в самых обычных ситуациях и вещах.»

Как видим сведения об основателе *Opus Dei* скудные и даже неточные: Эскрива - не португалец, а испанец; *Opus Dei* - не движение, а учреждение Католической Церкви. Но существовал ещё железный занавес, сквозь который

религиозная литература просачивалась трудно и рискованно. А вскоре в нашем приходе появилась эта книжечка «Путь» – машинописный самиздат, папиросная бумага, трудно различимый шрифт последних экземпляров, цена которых дешевле экземпляров первых. Это был перевод на современный русский, а цитаты из Св. Писания почему-то на церковно-славянском. Меня этот контраст, честно говоря, коробил. Решительный и внятный дух этой книги обращён к нам, сегодня, сюда и вкрапленная языковая архаика сбивала ритм, дезориентировала. Возможно, это была маленькая хитрость, в свою очередь дезориентировавшая слежку за нашим приходом. Ведь отца Александра обвиняли в прокатолических пристрастиях, считали скрытым католиком (в чём его только ни обвиняли!!!), а

книжечка наверняка была замечена всевидящим оком КГБ. Церковно-славянская вязь могла успокоить блюстителей чистоты православия, за которое уже тогда ратовала эта карательная государственная машина. Впрочем, это мои догадки. Но хитрости, подобного рода, имели место в самиздате – дабы легче было запутать следы.

Зато в своих публичных лекциях, когда они были дозволены, отец Александр не раз говорил об *Opus Dei* и его основателе.

Я купил один из тех полуслепых экземпляров и читал его, подложив белый лист бумаги под папиросную страничку. С этого экземпляра сделали перепечатку мои друзья, христиане в Риге.

Поучения Эскрива – ёмкие, афористичные, как стихотворные строки, - близки к дидактической

поэзии. В иные времена этот жанр более, чем уместен. Разве не плутаем мы сегодня в «духовных прострациях», не умея различить добро и зло, высокое и низменное, красивое и безобразное? Разве не похожи в своих отчаянных блужданиях на тех ниневитян, о ком две с половиной тысячи лет тому назад было сказано, что они не умеют «отличить правой руки от левой»? (Иона,4.11)

Итак, вот уже почти двадцать лет тому назад духовные наставления Эскрива стали моим текстом, как строчки Священного Писания, как заученная молитва. И время от времени я невольно пытался придать им свою авторизованную форму, пытался переложить некоторые из них на стихи. Опыт подобных переложений существовал всегда в литературе, тем более в духовной. Правомерность их более всего

подтверждается примером Псалтири. Псалмы в стихотворной форме доносили до русского читателя выдающиеся поэты – от Ломоносова до Бунина.

Для меня «Путь» больше, чем литература. Это - руководство к действию, к претворению в жизнь Евангельской вести, данной на все времена. Несгибаемый нравственный императив, выраженный поразительно смело, - явление редкое в нашей духовности. Не есть ли он то самое мужское начало, без которого вянет мятущаяся славянская душа? Кроме того, отточенная мысль, казалось, вызывает к рифме, которой оправдывался Пушкин («Летучей рифмой оперю»), к благозвучному украшению и даже к допустимому излишеству украшений, свойственному нашей литургике и вообще нашему религиозному искусству.

Наша эстетика, думал я, может
смягчить жёсткий западный
императив и только тогда
принять.

Со времён Тредиаковского и по
сей день русская поэзия верна
силлабо-тонической органике,
обогащённой ритмом и рифмой.
Русский язык, наверное, всё ещё
молод и тяготеет к
изобразительной яркости.

Звукопись поэтической речи не
менее убедительна, чем её
содержание. Более того,
содержание раскрывается в
звукописи или хотя бы
дополняется ею. А здесь такое!
содержание – сокровенное,
родное, отечески-близкое... Да
ведь это моё - априори! Меня
влечёт к этой стенографии духа,
чтобы довоплотить её на своём
языке. Уверен, бл. Эскрива на
меня не обидится, а об авторском
праве пусть разглагольствуют

филологи. Характерно, что некоторые из афоризмов, переданные мною в поэтической форме, композитор Юрий Пастернак положил на музыку.

Художник, как, может быть, никто сомневается в полезности своего труда, своего творчества. Как никто он бывает одинок и никем не услышан. Пушкин сравнивает поэта с эхом, которое откликается на жизненные явления, а само не имеет отклика ниоткуда. Да, такая изоляция возможна... Но от коллапса – провала в «чёрную дыру» – поэта может спасти только ощущение Богоприсутствия. Ведь и Христос в некоторые моменты земной жизни был абсолютно одинок на этой земле. Сын Божий переживал это по-человечески горько. Поэт христианин не забывает об этом, как и о словах Спасителя: «В мире будете иметь скорбь, но

мужайтесь! Я победил мир». Сомнение свойственно художнику. Но если он христианин, то, по слову Эскрива, «соприкасается с Богом в своём труде». Богоприсутствие, для меня, например, с наибольшей вероятностью ощущается в творческом процессе, когда он приносит радость, а то и восторг. Это есть счастливейший миг молитвы! Как писала Нона Слепакова, «Поэты молятся стихом». А тот, кто молится, преодолевает одиночество.

Тиражи поэтических книг в нашей стране резко снизились с появлением свободной печати. Наивно думать, что упала востребованность в поэтическом слове. Христианин живёт и творит для Бога, у Которого ничто не пропадает. Так или иначе Бог востребует его творчество, приспособит к мирским условиям,

независимо от погоды и
политического курса в стране.

Конечно признание помогает
развиться таланту. Но признание
от кого, с чьей стороны
признание? Часто случается, что,
рано признанный всеми, талант,
без поддержки свыше,
захлёбывается в славе и почестях.
Если талант от Бога, то он уже
признан самой высокой
Инстанцией. Другое дело, верит
ли в Неё человек и в каких
отношениях с Нею пребывает?
Если отношения отлажены, то
никакая общественная изоляция
для его таланта не губительна. Он
помнит, что должен развить свой
талант, увеличить. Много в его
жизни подчинено этому долгу.
«Делай, что должен, - говорит
Эскрива, - и будь в том, что
делаешь».

Важно ещё знать, что поэт не пишет в пустоту. Всегда есть адресат. Творчество это – диалог. Обратная связь, как и в молитве, здесь тоже имеется. Откликнуться могут конкретные люди, адресаты лирических стихотворений. Но могут и не откликнуться, как, например, Биатриче Данту. Поэт через них обращается к Богу, к самому отзывчивому адресату, к самому честному ценителю. Явный или тайный, но Он подаст знак. В соответствии с Его критериями поэт себя оценивает сам. «Ты сам свой высший суд, всех лучше оценить умеешь ты свой труд» (Пушкин). Только в согласии с высшей Инстанцией поэт не ошибается в своей оценке.

Но в моей профессиональной среде чаще случается неадекватное самовосприятие, пере и недооценки. Пониманию себя мешает мишура временных

ценностей, вечные - не проявлены
с достаточной полнотой. За этим
стоят не только личные, но и
объективные причины,
тормозящие развитие
национального самосознания:
исторические, культурные.

«Россия крещена, но не
просвещена» – говорила Анна
Ахматова, повторяя слова Николая
Лескова, выдающегося русского
писателя, считавшего, что
Евангелие в России ещё не
проповедано. Это в XIX веке! А что
говорить о XX, прошедшем в
России под беспредельным
владычеством безбожной власти...

Встреча с Христом отрезвляет
человека, способного
почувствовать в себе
апостольское призвание и
«безумие» святости. И если он
поэт, то понимает, какую
ответственность берёт на себя,

охваченный порой пророческим пафосом.

Творчество – человеческое свойство. Никому из животных оно не присуще. Если Христос сказал «Будьте совершенны, как совершен Отец Мой Небесный», значит творческое начало, заложенное в человеке, способно развиваться в совершенной степени.

Творческому человеку свойственно благоговейное отношение к своему труду. Высокий профессионализм, закреплённый нравственным идеалом, – знак качества, черта Богосыновства. Он не декларирует своё духовное родство, а являет его в своём труде. «Какое мне дело, - говорит Эскрива, - что этот сапожник является хорошим христианином? Ведь он плохо чинит обувь». Какое мне дело, что мой коллега носит крест на груди?

Ведь он не владеет стихом и слова ему не послушны. Это довольно принципиальная позиция, придерживаться её трудно, хотя и необходимо. Не ошибусь, если скажу, что едва ли не треть из московских интеллигентов, посещавших храм, где служил отец Александр Мень, считали себя людьми пишущими, а самые отважные – поэтами. Его кабинет был всегда завален рукописями. Разумеется, он понимал сомнительное достоинство большинства из них, но оценок не давал. Он считал, что подлинное воцерковление поставит человека на СВОЁ место – кому петь в хоре, кому ухаживать за больными, кому воспитывать детей, а кому продолжать заниматься литературой. Но и то, и другое, и третье немыслимо без творческого подхода. Таланты даны каждому человеку, но разные и в разном количестве. Он

любил повторять, что разность эта залог нашей взаимопомощи. Если бы мы имели всё поровну и в достатке, не было бы нужды друг в друге. Эта мысль перечёркивает теорию классового сознания.

СВОЮ профессию можно найти только с Божьей помощью: просить Бога о призвании, чтобы Он открыл его и открылся в нём.

Но можно научиться в совершенстве владеть формой и остаться при этом версификатором. Поэт приносит с собой новое мироощущение. А версификатор всего лишь копирует старое. Но он при этом хороший христианин и, вроде бы, не претендует, как сочинитель, на всемирную славу... Как тут быть? Мне приходится часто сталкиваться с подобным явлением. Я стараюсь подвести человека к той черте, откуда он

сам увидит всю правду о себе: о скрытых претензиях, о тлеющем самолюбии. И вместе с ним вспомню совет бл. Эскрива: «не бояться правды, даже если она ведёт к смерти». К смерти мнимых достоинств и болезненного самомнения.

Можно, между прочим, любить свою профессию, и не зная о Христе. Одержимо отдаваться любимой работе, как отдаются ей ТРУДОГОЛИКИ – весьма распространённая категория людей в нашем обществе. Можно любить культуру ради самой культуры, находя в ней для себя эстетическое наслаждение. Таких гурманов Цветаева называла мозговыми чувственниками. При всей очевидной значимости культура, - говорит Эскрива, - всё же для нас не цель, а средство. С этим нельзя не согласиться, хотя такая жестко сформулированная

установка может показаться прагматической и кого-то отпугнуть. Особенно из тех, кто боготворит искусство и помнит определение Пушкина на сей счёт: «Цель поэзии – поэзия». Они, правда, забывают, что это сказал Пушкин «романтического периода», написавший «Цыган». В конце жизни он понимал цель поэзии и своё место в ней несколько иначе: «И буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал, что в свой жестокий век восславил я свободу, и милость к падшим призывал». Да, творчество это - служение, знак образа и подобия Творца (Мень). Но служение, имманентно выраженное, обусловленное свободой - тайной, а не явной, декларируемой, как средство. Да, художник – мастер, творец. Но художник христианин - мастер и подмастерье в одном лице.

У Альбрехта Дюрера, великого немецкого художника, есть картина с изображением Распятия. Лежащего Христа пригвозждают к кресту. Момент в высшей степени поучительный. Сразу видно, что этим делом занимаются профессионалы. Они работают слаженно и красиво, подают друг другу советы, корректируют нюансы; в этот социальный заказ, им доверенный, они вкладывают душу и доведут его в своём мастерском исполнении до произведения искусства. Чтобы любо дорого было смотреть на дело их рук. Они так расчётливо и пунктуально, так ответственно поглощены любимым делом, что не замечают, ради чего они творят. Им безупречным профессионалам, «зрело знающим работу» (Есенин), ощущение Богоприсутствия – чуждо. Чего стоит мастер, вгоняющий гвоздь в

стопу Иисуса... Или другой, повернувшийся задницей к распятому Христу – оба они мастера высокого класса. Высокий профессионализм, отвернувшийся от Бога, в буквальном смысле не ведаёт что творит.

В той давней беседе о. Александр, упоминая бл. Эскрива, говорил о цельности сознания и поведения. Раздвоенность чревата шизофренией. Повседневность – свята. И труд мой – каждодневный, кропотливый, изнурительный и драгоценный – освящён моим призванием. Именно за письменным столом, как нигде, я чувствовал поддержку Свыше и понял, почему Бог пришёл к будущим апостолам на их рабочее место. Они любили своё дело и через любимое дело Он их призвал. Поэт тоже любит своё дело, «старинное дело своё» (Блок). И – не ради

славы и денег, а из любви к той Высшей правде, которую пытается выразить и сущность которой является ядром его творчества и поведения (поведения-творчества).

Он мастер, демиург, творец вселенной. И – либо помощник, либо соперник Бога. Соперник, если Высшую правду заменил своей правдой и тогда демонические силы владеют им. Погружённый в себя, он священнодействует, шаманит и призыв Бога в этот момент не услышит и не пойдёт за Ним.

Но Христос «увёл» апостолов не в «сон золотой», а ещё более приблизил к жизненным проблемам. Их начальная школа – ручной труд. Христос тоже владел ремеслом. Можно сказать, что они сначала познавали мир на ощупь. Плотскость мировосприятия

понятна и близка мне. В осязании скрыты глубинные познавательные инстинкты. На границе познания, необузданных его притязаний, ставят таблички «Руками не трогать!» Но Христос разрешил сомневающемуся Фоме «потрогать руками». Сфера Духа и материальная сфера таинственно соединены и наше маловерие ищет этому доказательств.

У меня есть своё доказательство, связанное с творчеством. Когда ищешь необходимо-точное слово, действует не просто память и ассоциации, но и руки... Они, будто мнут, лепят из глины несказанное, неуловимое, трудно поддающееся воплощению. То же самое я вижу, когда слушаю проповеди в нашем храме священника Георгия Чистякова, блестящего, кстати говоря, проповедника. Его пальцы, чувствительные как у музыканта,

участвуют в этом пластическом действе. Слово это и духовная и материальная субстанция.

Человек существо психофизическое. Поэтому понятие ХРИСТИАНСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ, сформулированное бл. Эскрива и столь важное для Дела Божья (Opus Dei), подтвердило мою интуицию и оправдало искусство, поэтику, к которой я, пристрастен. Бл. Эскрива защищает меня от агрессивного спиритуализма, весьма распространённого в церковных кругах: «Мы вправе говорить о МАТЕРИАЛИЗМЕ ХРИСТИАНСКОМ, который смело противостоит материализму, не видящему духа.» И ещё: «Невидимого Бога мы открываем в самых видимых, материальных вещах». Ведь, Бог полюбил видимый, материальный мир и прямо сказал об этом (Бытие, 1 глава). Христианин верит в

воплощённое Слово, в
воскресение плоти.

В поэзии, в стихе я ценю
чувственную реальность, рельеф,
запах, цвет, звук. В них и через
них претворяется гармония
видимого и невидимого мира.
Действие Духа - осязаемо,
особенно в искусстве. Не зря же
библейский писатель сравнивает
его с веянием тихого ветра (3
Царств: 19, 11—12)

Не малое влияние на меня оказал
в своё время поэт Арсений
Александрович Тарковский. Я
писал в статье о его поэзии:
«Тяжеловесная кладка стиха
парит, как бабочка, как «чернота,
окрылённая светом». В поэзии
Тарковского сведены крайние
ощущения – почвенной тяжести и
эфирной невесомости.
Материальный мир,
пронизанный неведомой

энергией, парит, каким бы весом и массой ни обладал».

Человек и в обыденной жизни может почувствовать крылья за спиной, как это мы видим на полотнах Шагала. Его влюблённые парят над местечковым бытом и вместе с тем принадлежат ему.

Сверхестественное в обычном – кажется так говорит бл. Эскрива.

А отец Александр как-то обмолвился: «ведь нас могло бы не быть...» То есть могло бы не быть чуда творения, которого мы так часто не замечаем...